

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-107-126

УДК 94(470.344)+281.93«19»
ББК 63.3 (2Рос.Чув):86.372

А.Г. БЕРМАН

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С ПАЛОМНИЧЕСТВАМИ К «СВЯТЫМ МЕСТАМ» В ЧУВАШСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ

Ключевые слова: СССР, Чувашская АССР, православие, Совет по делам Русской православной церкви, «хрущевские гонения на церковь», паломничество, святые места.

Важной составляющей антицерковной кампании, проходившей в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., была борьба с паломничествами к так называемым «святым местам».

Для нашей страны подобные кампании не были новостью, достаточно вспомнить петровский указ о запрещении строить несанкционированные властью часовни. Очевидно, что культ «святых мест» был важной частью так называемой «бытовой» или «народной» религиозности и наличие «святых мест» поддерживало у населения религиозный энтузиазм. Разумеется, стремясь ограничить влияние «религиозных предрассудков» на граждан, советская власть не могла не обратить внимание на это явление.

Цель исследования – изучить борьбу с паломничествами к «святым местам» на территории Чувашской АССР, происходившую в рамках очередного обострения государственно-церковных отношений в конце 1950-х – начале 1960-х гг., известного как «хрущевская антицерковная кампания».

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили материалы фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. Совета по делам религий) при Совете Министров по Чувашской АССР (Ф. Р-1857), находящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. В качестве метода исследования использовалось материалистическое понимание истории.

Результаты исследования. На территории Чувашской АССР уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви фиксируют в своих отчетах два «святых места»: в с. Ишаках Чебоксарского района и в с. Миренки Кувакинского (ныне Алатырского) района. Важной частью культа «святых мест» было почитание колодцев, вода в которых считалась населением священной. Ежегодно, в особые дни, связанные с местным культом, происходило массовое паломничество к колодцам с освященной водой. Вокруг «святого места» в дни паломничества организовывались стихийные рынки организациями потребкооперации. Паломничества сопровождалась соответствующими практиками (почти прилюдное раздевание и обливание водой, юродство и т.д.), которые могли выглядеть шокирующе. Паломничества способствовали поддержанию высокого уровня религиозности в сельской местности.

В конце 1950-х гг. центральными органами власти был принят ряд нормативных актов, направленных на минимизацию, а по возможности, и ликвидацию практики паломничества. Уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви по Чувашской АССР удалось положить конец паломничеству в с. Ишаки и в с. Миренки. Однако «святые места» стихийно возникали и в других локациях.

Выводы. Советское общество в целом было готово мириться с религией, но в четко очерченных рамках храма. В этом смысле борьба с паломничествами вписывалась в просвещенческую парадигму. Аргументация наступления на «святые места» удивительно похожа на аргументацию петровского указа о запрете строительства часовен на «святых местах». Обе эти кампании, отстоящие друг от друга на два столетия, вполне можно рассматривать как явления одного порядка, как эпизоды секуляризации в российском исполнении.

Введение. Важной составляющей антицерковной кампании, проходившей в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., была борьба с паломничествами к так называемым «святым местам».

Прежде чем говорить о самой кампании по борьбе со «святыми местами», необходимо отметить несколько важных моментов.

«Святые места», или, говоря научным языком, несанкционированные культовые места, сопровождают христианство ровно столько, сколько оно само существует, если не ранее. Собственно, по отношению к самому культу «место» всегда ему предшествует. Само христианство складывается вокруг «святых мест», т.е. Сионской горницы и Иерусалимского храма. Складывающийся вокруг «места» культ является источником для целого комплекса текстов (агиографических¹, литургических, а порой, и догматических²), которые впоследствии становятся фундаментом для формирования устойчивых религиозных практик.

Порой «святые места» возникают задолго до появления «титულიной» религии, и тогда почитание «святого места» приобретает новое религиозное содержание. Общеизвестный пример такого рода контаминации – Кааба в Мекке.

Еще одна важная особенность «святых мест»: они могут возникать как стихийно, так и санкционироваться со стороны сакральной власти (в нашем случае это духовенство). Понятно, что наиболее оптимальным вариантом является то, что освященный епископом христианский храм появляется на уже почитаемом месте. Однако сакральные вещи оттого и сакральные, что они не всегда подчиняются воле начальства.

Нередки случаи, когда «святое место» появляется не там, где хотелось бы, и тогда возникает альтернативный культ. Говоря об иудейских культовых сооружениях, В.М. Лурье (епископ Григорий) отмечает, что «альтернативные культовые сооружения ... создавались тогда, когда происходил религиозный раскол» [7. С. 149]. Это в полной мере справедливо и для православия: появление несанкционированного «святого места» всегда чревато появлением альтернативного культа, а в перспективе – и церковного раскола. Это обстоятельство и определило двойственное отношение к стихийным «святым местам» со стороны русского церковного начальства еще со времен Петра I. Начальство прекрасно осознавало «раскольный» потенциал «святых мест», поэтому еще 28 марта 1722 г. был издан указ «О запрещении свещевозжения и отправления молебных служений пред иконами вне церквей на сонмищах и стогах; о недозволении вновь строить часовен и о упразднении уже существующих». В указе говорилось: «Имеется мнение и о построенных около церквей, на рынках, на перекрестках, в селах и других местах часовнях, которых быть не должно, так как в городах и селах, помимо часовен, имеется достаточно церквей для прославления Божьего имени, созданных и освященных

¹ «Агиография существует только там, где есть культ, и только в целях этого культа» [7. С. 43].

² Примером того, как культ вокруг определенного места становится источником для догматических определений, можно считать историю почитания Богородицы в христианстве. Если рассмотреть литургическое почитание Богородицы в календаре традиционных христианских церквей (богородичные двенадцатые праздники), то все они так или иначе восходят к почитанию Сиона, в свою очередь, споры о том, как именовать Марию, Богородицей или «христородицей», вылились в догматические споры о двух природах в лице Иисуса Христа. Важную роль в этих спорах сыграло еще одно «святое место» – г. Эфес, где произошло наложение почитания Девы Марии на существовавший здесь с глубокой древности культ Артемиды Эфесской.

по правилам, в которых и без этих часовен не только можно, но и должно православным христианам совершать общественную молитву к Божьей благодати. А часовни для законных церквей создают помеху, так как некоторые невежды и суеверы не столько к святым церквям имеют усердие, сколько к часовням. А раскольникам и их враждебным взглядам <часовни> есть большое подспорье, так как они, по своему невежественному упрямству и умовредному заблуждению, отчуждаясь от святых церквей, могут в эти часовни приходить как в некую свою молельню, и совершаемую там молитву почитать за церковную <службу>, что строго запрещено¹.

Указ под страхом наказания запрещал ставить иконы вне законных храмов и совершать около этих икон богослужения. Упоминалось и то, что средства, собираемые «лицемерами» около этих незаконных «святых мест», лучше употребить на содержание «законных» церквей и духовенства. Указ предписывал имеющиеся часовни разобрать и новых отнюдь не строить [11. № 509. С. 156–158]. Этот указ был частью целого комплекса мероприятий, которые должны были реформировать русское традиционное благочестие в сторону его большей рациональности и регламентированности. По сути дела, петровская администрация рассматривала любые нерегламентированные проявления религиозности (молитвы вне храмов, во внеурочное время, экстремальную аскезу, чрезмерное почитание икон и т.д.) как «невежество» и «лицемерие» [5. С. 408–423]. Как видно, уже в петровском указе концепт «суеверия» идет в связке с указанием на корыстолюбие тех, кто подобные несанкционированные молебствия организует. Как будет видно далее, такая связка не раз будет использоваться в борьбе с паломничествами к «святым местам» в советское время.

Наличие «святого места» рядом с приходским храмом или монастырем обеспечивало приток паломников и было важным источником благосостояния местного духовенства. Поэтому со временем строгость исполнения петровского указа ослабела и практика «открытия» и почитания «святых мест» пережила и империю, и СССР, и благополучно дожила до наших дней. В наши дни паломничество превратилось в разновидность туристической индустрии.

Существенной частью культа «святых мест» была возможность унести с собой какие-то «святости». Чаще всего это была вода из «святого источника», но могли быть и самые разные предметы.

Очевидно, что культ «святых мест» был важной частью так называемой «бытовой» или «народной» религиозности и наличие «святых мест» поддерживало у населения религиозный энтузиазм. Разумеется, стремясь ограничить влияние «религиозных предрассудков» на граждан, советская власть не могла не обратить внимание на это явление.

Говоря о причинах борьбы со «святыми местами» в конце 1950-х – начале 1960-х гг., исследователи обычно в качестве главных факторов называют кардинальные перестановки в партийном руководстве, внешнеполитические и экономические резоны [14. С. 250; 16. С. 359–362]. М.М. Шахнович полагает, что борьбу с паломничествами «следует рассматривать в широком контексте подготовки к принятию новой Программы КПСС и взятию курса на строительство коммунизма в стране, и если строительство социализма еще допускало определенные “родимые пятна” прошлого, то на пути к коммунизму борьба

¹ Переложение на современный русский язык.

с «пережитками» должна была обостриться, чтобы от этих «пережитков» поскорее избавиться» [15. С. 84]. А.Г. Подмарицин связывает борьбу с паломничествами со стремлением советской власти «комплексно уничтожать религиозное сознание, все, что способствует его репродукции в условиях мало контролируемой сферы – в быту» [10. С. 251].

Указывая на возможные причины борьбы с паломничествами к «святым местам», исследователи исходят из того, что эта кампания была инициирована властями, т.е. была неким внешним явлением по отношению к обществу, преследовала исключительно интересы партийного аппарата. Может сложиться впечатление, что советское общество в целом было религиозным, а партийный аппарат из идеологических соображений этому противостоял. При этом вопрос о том, насколько сам этот аппарат учитывал общественные запросы, насколько публичные, внехрамовые религиозные практики вписывались в послевоенный советский социальный контекст, не ставится.

Между тем оценить отношение численности религиозных людей к численности неверующих в послевоенный период довольно сложно. В последний раз вопрос о религиозной принадлежности ставился во Всесоюзной переписи населения в 1939 г. Перепись выявила важную закономерность в распределении религиозности по категориям населения. О своей религиозности заявили треть городского населения и две трети сельского [12. С. 62]. Численность городского населения в тот период составляла по СССР 33% [8. С. 9]. Очевидно, что большинство населения в довоенный период было верующим. К концу 1950-х гг. численность городского и сельского населения сравнялась [8. С. 9]. При этом надо учитывать, что в 1959 г. три четверти советского населения составляли люди, родившиеся после Октябрьской революции [8. С. 11], а значит, проходившие обучение в советской школе, где знания о религии не давались. Надо также учитывать и то обстоятельство, что религиозная инфраструктура в СССР к началу войны сократилась до минимума, что тоже сказывалось на доступе молодого поколения к знаниям о религии. Это вполне согласовывалось с представлениями советских коммунистов о роли религии в социалистическом обществе. Религии отводилась роль частного дела человека, о чем было прямо сказано в программной статье В.И. Ленина «Социализм и религия». Религиозность рассматривалась как удовлетворение частной потребности индивида. При этом такая потребность признавалась вполне законной, хотя и была пережитком ушедших исторических эпох. И советское государство в своих законодательных актах признавало право на удовлетворение этой потребности. Соответственно, пространством проявления религиозности могла быть только приватная сфера жизни (семья) или специально отведенные места, где удовлетворение религиозной потребности не могло помешать тем людям, кто такой потребности или не испытывает, или настроен к религии враждебно. То есть советская власть четко разграничивала религиозную и светскую сферы жизни людей. Кроме того, сам коммунистический социальный идеал был ориентирован на городское население, обращал свою проповедь к городскому пролетариату. В трудах классиков марксизма можно найти немало филиппик по поводу «идиотизма деревенской жизни». Вплоть до появления «деревенской прозы» в середине 1960-х гг. советская культура и общество не испытывали ностальгии по поводу деревенских традиций, стремительно уходящих под напором урбанизации. К концу советского периода доля религиозного населения СССР, по разным оценкам, составляла от 15 до 30% [12. С. 62].

Поскольку с конца 1930-х гг. систематическое изучение религиозности советского населения не велось, то к моменту «нормализации» государственно-конфессиональных отношений в 1943 г. встал вопрос о том, каким образом можно удовлетворить религиозную потребность верующего населения и в то же время не допустить выхода проявлений религиозности из приватной сферы в публичное общественное пространство. Очевидно, что сохранить этот баланс можно было только эмпирическим путем, т.е. разрешать открытие религиозной инфраструктуры до тех пор, пока не произойдет насыщение потребности населения в ней. При этом количество официальных церковных помещений легко поддавалось учету и регулированию. А вот появление «святых мест», которые не были санкционированы ни государством, ни церковными властями, регулированию не поддавалось и создавало пространство для смешения «священного и мирского», что в советском обществе было неприемлемо.

В связи с этим в ходе так называемой «хрущевской антицерковной кампании», которую, если встать на позицию объективного исследования, можно рассматривать и как оптимизацию религиозной сферы, вопрос о «святых местах» и паломничествах не мог не возникнуть¹.

Цель исследования – изучить борьбу с паломничествами к «святым местам» на территории Чувашской АССР, происходившую в рамках очередного обострения государственно-церковных отношений в конце 1950-х – начале 1960-х гг., известного как «хрущевская антицерковная кампания».

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили материалы фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. Совета по делам религий) при Совете Министров Чувашской АССР (Ф. Р-1857), находящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР). В качестве метода исследования использовалось материалистическое понимание истории.

Результаты исследования. На территории Чувашской АССР уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви фиксируют два основных места паломничества – это с. Ишаки Ишлейского района (ныне Чебоксарский район) и с. Миренки Кувакинского района (ныне Алатырский район). То есть паломничества к «святым местам» происходили в сельской местности. В городах Чувашии такие места не фиксируются. Особенностью Чувашской АССР в изучаемый период было то, что это была аграрная республика. В 1950 г. численность сельского населения в республике составляла 83,1%, городское и сельское население сравнивались по численности в Чувашии только к середине 1980-х гг. [1. С. 80]. Отсюда и популярность такой формы проявления бытовой религиозности, как паломничества к «святым местам», которые, как будет видно по ходу изложения, были весьма массовыми и устойчивыми.

Необходимо также обратить внимание на особенность паломничества в с. Миренки и паломничества в с. Сурское в соседней с Чувашией Ульяновской области. Оба этих села до революции входили в состав Алатырского уезда Симбирской губернии, после революции часть территорий, которые

¹ О разных аспектах антицерковной кампании 1950-х – 1960-х гг. в Чувашии автором опубликован ряд статей. См.: Берман А.Г. Антицерковная кампания в начале 1960-х гг. в Чувашии // Российская история. 2020. № 3. С. 117–134. DOI 10.31857/S086956870010148-3; Берман А.Г. Антицерковная кампания в чувашской прессе в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Педагогика и образование: вызовы и перспективы: электронный сборник статей / отв. ред. А.А. Кириллов. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2022. С. 313–326.

исторически были связаны с Алатырем, оказались в разных административных образованиях. Исторический Алатырский край в советское время оказался периферией четырех областей и республик: Нижегородской и Ульяновской областей, Чувашской АССР, Мордовской АССР. Это обстоятельство определило своеобразие Алатыря и его района и, видимо, позволило довольно долго сохраняться реликтам старых русских религиозных традиций.

Уполномоченный С.Л. Шумилов в конце декабря 1948 г. специально отправился в Ишлейский район, чтобы «ознакомиться с состоянием религиозности населения в районе, на месте выяснить характер паломничества верующими в село Ишаки, где ранее находилась особо чтимая чувашами икона “Николы чудотворца”» [2. Д. 54. Л. 4].

В своем Информационном отчете за IV квартал 1948 г. уполномоченный изложил впечатления от поездки: «Церковь в с. Ишаки Ишлейского района была закрыта постановлением Президиума ЦИК Чувашской АССР от 21 марта 1933 г. Здание церкви было снесено до основания, так что на месте бывшего, довольно величественного каменного здания церкви осталась гора щебня. Ишаковская церковь в старое время служила местом паломничества для верующих чуваш из-за “чудотворной иконы Николы”, якобы найденной каким-то пастухом в болотных лугах села Ишаки. На месте находки была выстроена часовня и колодец также считался чудотворным. Ежегодно в мае¹ праздновался праздник “Николы” и к этому была приурочена весенняя ярмарка. Стекался народ из разных уездов бывшей Казанской губернии, даже смежной бывшей Симбирской. Происходило это и в послереволюционные годы, пока не было закрыто и разрушено до основания здание церкви. За последние годы вновь стала восстанавливаться “былая чудодейственная способность Николы чудотворца”.

На месте разрушенного здания церкви, среди горы щебня кирпича, на открытом месте вновь появилась икона чудотворца Николая и стала она местом притяжения молящихся, паломничества не только для окружающих соседних селений, но и для верующих отдаленных районов республики. Довольно обветшалая, небольшая деревянная икона Николы кем-то заботливо установлена на земле в окружении двух икон, с изображениями других святых и железных небольших крестов, приставленных к ним. По рассказам очевидцев, на это место ежедневно приходят молиться верующие, и особенно в большом количестве в базарные дни и в день весеннего праздника Николая-угодника. Молящиеся ставят перед иконами свечи, кладут деньги, холст, полотенца и продукты. Эти приношения здесь не залеживаются: их быстро подбирают ребяташки (в большинстве школьники) или же бродячие собаки.

Сельские партийные и советские организации знают это, но являются только созерцателями, а каких-либо конкретных мер к развертыванию антирелигиозной работы не принимают. Об этом знают и районные руководящие работники. Зам. председателя Ишлейского райисполкома тов. Николаев в беседе на эту тему высказался, что на ближайшем заседании исполкома райсовета будет поставлен вопрос о состоянии культурно-массовой работы в селе Ишаках, на каковое будут вызваны руководители села, в том числе и директор Ишаковской средней школы» [2. Д. 54. Л. 4–4об.].

¹ 22 мая по новому стилю празднуется перенесение мощей святителя Николая Мирликийского. В народе праздник называется «вешний Никола».

Как показало дальнейшее разбирательство по поводу появления «чудотворной» иконы, инициатором выставления икон на месте разрушенного здания церкви оказался бывший сторож этой церкви, который в отчете следующего, после Шумилова, уполномоченного, А.В. Васильева, охарактеризован как «фанатик» [2. Д. 57. Л. 61].

По результатам проверки были приняты меры. По сообщению А.В. Васильева: «Обновленная (“чудотворная”) икона на развалинах быв. Ишаковской церкви, Ишлейского района, по предписанию Совета Министров ЧАССР от 21 октября 1949 г. № 18/с исполкомом Ишлейского райсовета устранена» [2. Д. 57. Л. 16].

Однако дело с «устранением» иконы оказалось не таким простым. Преодоление веками сложившейся религиозной практики паломничества к Николе в Ишаковскую церковь одними лишь административными мерами оказалось невозможным. Тем более, что за долгие годы вокруг «святого места» сложилась местная инфраструктура и религиозная практика оказалась включенной в устоявшиеся социальные связи. Такое положение дел выводило религиозную практику из приватной сферы в публичное пространство. Религия переставала быть частным делом, а религиозное действие становилось социально значимым и приносящим экономическую выгоду не только «попам» и «лицемерам», но и советским организациям. Это полностью противоречило установке на строгое разграничение «мирского и священного».

К вопросу о паломничестве в с. Ишаки уполномоченному пришлось вернуться в 1951 г. В информационной сводке за II квартал А.В. Васильев сообщает: «Считаю нужным отметить о фактах в дер. Ишаки. Там как указано выше обновленной иконы теперь нет. В текущем году ни в весеню¹ “николу”, ни в другие дни молебнов никто не совершал. Приток верующих все же был, как и в прошлые годы. Причем верующие сюда являются не только на поклонные места, где когда-то по преданию была найдена обновленная икона, но и на весеннюю колхозную ярмарку, приуроченную к весенней «николе» и на ежегодные базары. Верующие, бывая на развалинах ишаковской церкви, совершают поклоны и оставляют тем же приношения деньгами, яйцами и холстом. Местные жители и работники собирают эти приношения и присваивают себе. И в этом году были попытки к выставлению икон неким Ершовым, жителем дер. Ишаки же, но с/совет своевременно отобрал и уничтожил. Если бы в этом селении не проводились ежегодные колхозные ярмарки и еженедельные базары, то паломничество верующих могло бы прекратиться совершенно» [2. Д. 60. Л. 76].

Еще более масштабным было паломничество в с. Миренки Кувакинского района. Если в с. Ишаки церковь была разрушена и стимулировать паломничество было особо не кому, то в Миренках церковь сохранилась, закрывалась на очень короткий период с 1941 по 1945 г., и культ «святого места» совпадал с официальными церковными торжествами. Поэтому у властей было меньше возможностей влиять на ситуацию.

14–15 июля 1954 г. в Миренках побывал уполномоченный А.В. Васильев, который поделился своими впечатлениями от празднования дня явления местной иконы Богоматери «Всех скорбящих радость» в докладной записке, адресованной председателю Совета по делам Русской православной церкви

¹ Так в тексте.

и высшему руководству Чувашской АССР. Описание вышло весьма красочным: «Миренкинская церковь славится среди верующих имеющейся в ней обновленной иконой “скорбящей богоматери”. Эта икона, по рассказам местных жителей, будто была найдена лет 300 тому назад в источнике под селом. В данное время на месте источника имеется благоустроенный общественный колодец.

В обычное время паломничества к этой иконе почти что нет. Собираются к ней верующие на поклонение в год один раз в день ее “явления”, т.е. 15 июля по новому стилю. Стекаются они в этот день не только из Кувакинского и прилегающих к нему районов Чувашской АССР, но и из ряда районов Мордовской АССР, Горьковской и Ульяновской областей. Численность приходящих верующих по дню “скорбящей” (так наз. местные жители 15 июля) в прошлом ежегодно достигала до 3 000–4 000 чел.

До 1950 года обновленная икона висела под навесом, над вышеуказанным колодцем. И в день “скорбящей” духовенство обязательно выходило к этой иконе, на колодец, с крестным ходом и совершало там всякие религиозные церемонии. С 1950 года, и в связи с запрещением проводить церковные службы под открытым небом, икона “скорбящей богоматери” церковниками перенесена в помещение церкви, и все церковные службы, связанные с чествованием этой иконы, проводятся в стенах церкви. Но несмотря на это, стечение верующих к колодцу не прекратилось вплоть до последнего времени. Последнее объясняется тем, что вода в колодце верующими считается “святою” и каждый старается попользоваться ею.

В текущем году приток верующих в с. Миренки ко “дню скорбящей” начался за два дня до ее чествования. Как ни странно, первыми к ней явились 30 человек из города Саранска, Мордовской АССР, а уже к 16 часам 14 июля вся площадь церкви и района “священного” колодца были усеяны огромными толпами верующих. В этот день вся масса верующих состояла исключительно из женщин, мужчины были единицы, и то – или калеки, или престарелые, или юродивые. Зрелище было обидно-странное, веяло от него фанатизмом: одни верующие, собираясь и располагаясь толпами в церковной площади или в районе колодца, горланили церковные напевы; другие грудились у колодца и старались начерпать себе “святой воды”; третьи, кому удалось достать побольше воды, заходили за рядом стоящие кусты, раздевались догола и обливались ею для “исцеления от болезней и отпущения всяких прегрешений”; четвертые толпились около юродивых и, стоя в очереди, ожидали случая поговорить с одним из них и “узнать от него правду на свои недоуменные вопросы”.

Вся эта масса верующих на ночь почти не разошлась и ночевала там же: кто у колодца, а кто на церковной площади.

Утром 15 июля численность пришельцев-верующих превышала 3-х тысяч человек. Среди них уже немало было молодежи (парней и девушек), мужчин, даже интеллигенции. В общей толпе не менее 25–30 человек разгуливали и лица в железнодорожной форме. На церковной площади и у колодца творилось то же самое, что и накануне: шло обливание водой, слышалось пение церковных напевов, толпились очереди у юродивых и колодца. Верующие в день “скорбящей” собираются в с. Миренках не только на поклонение обновленной иконы, но и за “святой водицей”.

У них, у всех, на руках какая-либо посуда или чайник, или стеклянная бутылка, или металлическая кружка, или бидончик, к полудню все верующие уже

запаслись “святой водицей” для дома. Характерно, 15 июля в миренском колхозе “Красный передовик” были прекращены все работы, а в каждом доме готовились к предстоящей гульбе по случаю дня “скорбящей” (она у них начинается после отхода второй обедни в церкви и продолжается чуть не три дня). По словам работников сельского совета, в этой гульбе участвуют и коммунисты. В этот день почти приостановились полевые работы и во многих колхозах Кувакинского района» [2. Д. 68. Л. 44–46]. Как и в Ишаках, в с. Миренки вокруг «святого места» стала образовываться инфраструктура, появилась стихийная ярмарка, в которой участвовали и государственные организации, что с прискорбием фиксирует уполномоченный: «в прошлом на день “скорбящей” торгующие организации Кувакинского района и г. Алатыря съезжались в с. Миренки со своими ларьками как на какую-то ярмарку. Попытка к этому обнаружилась и в этом году: еще к 14 июля приехали в Миренки ларьки Кувакинского райпищекомбината и Чуварлейского сельпо, Алатырского района. Верно, торгующим организациям не было сделано в свое время предупреждений, что их указанное действие служит на пользу церковникам, способствуя большому притоку людской массы к “скорбящей”» [2. Д. 68. Л. 46].

Паломничество к «святому месту» в с. Миренки, по мнению уполномоченного, способствовало сохранению высокого уровня религиозности в районе: «Миренкинская религиозная община является самой активной в среде сельских религиозных общин». Это мнение уполномоченного подтверждалось соответствующей статистикой: из 25 родившихся в Миренкинском сельсовете в первой половине 1954 г. младенцев 24 были окрещены в церкви, отпевались в церкви все умершие. Значительно выросли и церковные доходы: с 68 593 руб. в 1951 г. до 87 518 руб. в 1953 г. [1. Д. 68. Л. 47].

А.В. Васильев для снижения влияния «святого места» на население рекомендовал следующие меры:

а) «не допускать вывешивания церковниками иконы у “священного колодца”;

б) не разрешать церкви производить ремонт колодца, являющегося общественным;

в) категорически воспретить торгующим организациям выезжать с ларьками в с. Миренки в дни “скорбящей”» [1. Д. 68. Л. 48].

Как видно из отчета уполномоченного, увиденное сильно шокировало А.В. Васильева. Особенно его поразили сами массовые религиозные практики, от которых «веяло фанатизмом»: публичное раздевание, обливание водой, юродивые. У Васильева не укладывалось в голове, как во всем этом, на его взгляд, «обидно-странном» «мракобесии» могли участвовать молодежь и интеллигенция. То есть налицо несовместимость просвещенного взгляда уполномоченного и стихийных, почти хтонических религиозных практик около «святого места».

«Святые места» меньшего масштаба и популярности имелись и в других селениях Чувашской АССР. Как и в случае с Ишаками и Миренками, около «святых мест» могли образовываться стихийные ярмарки. Как сообщает уполномоченный А.В. Васильев, такие места имелись в Чебоксарском районе: «в селениях Задних Сятрах и выселке Рикша Чебоксарского района до сих пор сохранились каменные часовенки с их культовым оборудованием (крестом и иконами); ежегодно в день «храмового» праздника (28 августа) в с. Акулеве на церковной площади собирается небольшой торг, куда съезжаются торговые

ларьки сельских потребительских обществ. А это способствует и стимулирует большей явки верующих в церковь и косвенно усиливает значение церковного праздника в глазах массы верующих» [2. Д. 68. Л. 62].

Помимо паломничеств к «святым местам» на территории Чувашской АССР верующие из Чувашии выезжали в паломнические поездки и в другие области. Например, большой популярностью пользовалось «святое место» в райцентре Сурское Ульяновской области (до революции с. Промзино Городище Алатырского уезда). Как сообщается в записке Совета по делам Русской православной церкви в ЦК КПСС «О паломничестве верующих к так называемым “святым местам”»: «В селе Сурское (райцентр) Ульяновской области сохранились три колодца, издавна почитаемые верующими, паломничество к которым в день церковного праздника “Николая-чудотворца” (22 мая) и в настоящее время носит еще массовый характер.

Например, в 1952 г. в этот день к колодцам собралось около 15 тыс. паломников, прибывших из Мордовской, Татарской, Чувашской АССР, из Горьковской, Куйбышевской, Пензенской и других областей. Из ряда населенных пунктов верующие следовали в село Сурское большими группами с пением молитв, неся свои иконы.

Раньше у колодцев стояла часовня, сейчас она разрушена, вместо этого у каждого колодца поставлен крест и икона, где и собираются верующие. Здесь верующие зажигали свечи и под руководством монашек пели молитвы.

Из колодцев верующие набирали в посуду воду, пили ее и смачивали водой больные на теле места. Наиболее фанатичные из них трижды поднимались на крутую гору, находящуюся у колодцев с большим грузом камней. На месте паломничества находилось много нищих, среди которых были юридические, доставленные верующими на ручных колясках, занимавшиеся мистическим шарлатанством.

В текущем году число верующих достигло свыше 12 тысяч человек. 60% прибывших было в возрасте 45–50 лет, средних лет до 30% и молодежи до 10%. Из них женщин – 80–85%. Чуваши и мордва составляли свыше 70%, подавляющее большинство верующих прибыло из Мордовской и Чувашской АССР. Кроме того, были из Ульяновской, Куйбышевской, Горьковской, Харьковской и других областей. Нищих было свыше 100 человек, которые, кроме попрошайничества, продавали красочные фотографии с изображением “святых лиц”, крестики, лампады и свечи. На горе и у родников толпа стихийно рассредоточилась на группы в 50-100-200 и до 1 000 человек. Группы образовались там, где нашлись лица, выдававшие себя за священников и монахов. Некоторых из них удалось установить: Ширшов Михаил Александрович, с 1926 года рождения, инвалид 1 группы с детства, болят ноги, с трудом передвигается, женат на бывшей монашке, которая и эксплуатирует его, выдавая за “святого”; Егоров Алексей Федорович, 1882 года рождения, бывший секретарь сельсовета, ныне пенсионер по старости, который явился с походным алтарем и выдавал себя за священнослужителя; Марышев Сергей Петрович, 1917 года рождения, инвалид труда 2-й группы, получает пенсию 400 рублей, который привлекал верующих сильным голосом; Максимов Дмитрий Николаевич, 1924 года рождения, чуваш, без определенных занятий, выступал в роли священника» [3. С. 121].

Естественно, что подобные массовые скопления людей с религиозной мотивацией, порождающей стихийный религиозный энтузиазм, денежные сборы,

которые принципиально не могли контролироваться властями, да и сами шокирующие рационально мыслящего человека практики (почти прилюдное обнажение, ажиотаж вокруг воды, которая свободно доступна в любое другое время года, таскание камней на гору и т.д.) не могли не вызвать вопросы у властей.

24 сентября 1958 г. Совет по делам Русской православной церкви при Совмине СССР подал в ЦК КПСС записку «О паломничестве верующих к так называемым “святым местам”», в которой в подробностях описывались наиболее известные в тот период паломничества. Записка предлагала ряд конкретных рекомендаций для ограничения (по возможности – прекращения) практики паломничества к «святым местам». В записке, в частности, особо отмечалось, что «официально все эти места отношения к русской православной церкви не имеют. С 1948–1949 гг., по рекомендации Совета¹, действуют указания патриарха, что духовенство не должно содействовать этому паломничеству, не должно лично участвовать в нем, однако священники отдельных церквей, а главное бродячее духовенство и монашество, безусловно, занимаются и пропагандой, и вымогательством средств. Как правило же паломничество организуется шарлатанствующими элементами: корыстно заинтересованными: в распространении суеверия среди населения, которым удается вымогать у верующих значительные суммы денег» [3. С. 121].

В числе мер предлагалась и следующая: «Поручить Совету по делам русской православной церкви рекомендовать патриарху и Синоду: а) вновь дать указание священнослужителям о том, чтобы они не принимали абсолютно никакого участия в паломничестве к “святым источникам” и разъясняли в церквях верующим, что паломничество организуется лицами, заинтересованными в распространении суеверия в корыстных целях, ничего общего с церковью не имеющими; б) чтобы вообще в церквях путем проповедничества была организована борьба с кликушеством» [3. С. 125].

Местным уполномоченным предлагалось «продумать и разработать мероприятия по ликвидации так называемых “святых источников” и других мест, к которым имеет место паломничество» [3. С. 125].

На основе рекомендаций, изложенных в записке, 28 ноября 1958 г. последовало Постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”» [3. С. 127–128].

В постановлении, в частности, указывалось, что «руководители религиозных центров и объединений, заявляя о непричастности духовенства к паломничеству, на деле всемерно поощряют и поддерживают людей, подвизающихся у “святых источников”, занимающихся “исцелением” больных, пророчеством и знахарством. Во многих случаях они являются непосредственными организаторами паломничества. В то время, как церковники призывают верующих к посещению “святых мест” и принятию ритуала “исцеления”, сами они пользуются достижениями современной медицины для укрепления своего здоровья, охотно лечатся в санаториях и на курортах, имеющих действительно лечебные источники» [3. С. 127].

Постановление предписывало местным партийным организациям «путем проведения широкой массово-политической работы и научно-атеистической

¹ То есть Совета по делам РПЦ.

пропаганды среди трудящихся, на основе методов убеждения добиться прекращения паломничества и закрытия так называемых “святых мест”. Мероприятия должны были проводиться с одобрения местного населения». Вместе с этим отмечалось, что «деятельность церковников и их актива в организации паломничества нередко выходит за рамки, установленные советским законодательством». Поэтому местные власти должны были «усилить борьбу против этих незаконных действий». Уполномоченные должны были «дать духовенству соответствующие разъяснения и потребовать от руководителей религиозных центров и объединений неукоснительно соблюдать установленные советскими органами законы и принять со своей стороны меры, содействующие прекращению обманной деятельности кликушеских элементов и организаторов паломничества у так называемых “святых мест” и источников. Предупредить соответствующие церковные круги, что если они этого не сделают сами, то советские органы примут строжайшие меры в отношении кликуш, эксплуатирующих невежество» [3. С. 128].

Чувашский уполномоченный Я.Г. Маклашкин активно включился в выполнение постановления ЦК КПСС. «После получения от Совета указания о необходимости проведения работы по прекращению паломничества, в декабре месяце путем личного выезда, как в с. Миренки Алатырского района, так и в село Ишаки Ишлейского района, мною было изучено положение по фактам паломничества. По результатам изучения 22 декабря 1958 года помимо этого доклада руководству республики, в отдел агитации и пропаганды ОК КПСС представлены справки по обоим пунктам и в момент пребывания на местах были подробно проинформированы руководители Алатырского и Ишлейского районов и исполкомов райсоветов» [2. Д. 82. Л. 8].

В с. Ишаки уполномоченный обнаружил, что паломничества к месту, где находилась разрушенная церковь, продолжают. «На месте разобранного здания церкви из обломков кирпича и щебня образовался довольно высокий бугор, куда богомольцы приходят и бросают медные и серебряные монеты, обрезки холста, восковые свечи и куски хлеба, совершая обряд приношения жертвы в честь иконы Николая Чудотворца. Со слов местных жителей и актива села видно, что посещение богомольцами этого места не прекращается в течение всего года. В обычные дни в зимний период у бугра бывает в среднем 5–6 человек, а по воскресным дням здесь бывает не менее 106–120 человек. Посещение паломников по воскресеньям совпадает с базарным днем, который происходит в с. Ишаки на специально отведенном месте, недалеко от места бывшей церкви. Наплыв людей усиливается в мае и июне месяцах, где ежедневно здесь бывает не менее 100–120 человек, но особенно большой наплыв происходит в дни религиозного праздника так называемого Николина дня, который церковниками отмечается два раза в год: 22 мая и 19 декабря. В указанные дни количество людей у бугра доходит до одной тысячи человек.

Со слов местного населения видно, что особенно большое количество паломников посещает указанное место из Сундырского, Яльчикского, Батыревского и Ядринского районов нашей республики и Горно-Марийского района Марийской АССР. Несколько меньше бывает также из Октябрьского и Козловского районов Чувашской АССР» [2. Д. 82. Л. 12–13]. Уполномоченный отмечает, что наибольшую активность в организации проявляет местный житель Ершов Осип Сергеевич, «проживающий рядом с тем местом, куда стекаются паломники, который с давних пор завоевал себе право на сбор пожертвованных

денег и никак не выпускает его из своих рук. Для того, чтобы замаскировать в глазах населения свои проделки, Ершов О.С. придумал для себя специальную профессию “сельского сторожа”, хотя по штату такой должности ни в сельском совете, ни в колхозе не имеется. Пользуясь правом “сельского сторожа”, Ершов О.С. ловко подбирается к денежному кошельку паломников и деньги присваивает себе» [2. Д. 82. Л. 13].

Таким образом, ситуация, о которой писал еще уполномоченный Шумилов в 1948 г., за 10 лет принципиальных изменений не претерпела.

Подобную же картину уполномоченный Маклашкин обнаружил и в Миренках, за исключением того, что при активном взаимодействии верующих с местными государственными организациями над «святым» колодцем был выстроен новый сруб. «Строительство колодца со специальной площадкой с настилом вокруг источника произведено летом 1958 года церковным советом за счет средств верующих с затратами 7 тысяч рублей. Местные органы власти не только не пресекли этот факт, но под видом что водой от источника пользуется местное население, церковникам помогли в скорейшем завершении строительства колодца. Силами МТС на тракторе был вывезен потребный лесоматериал, а местная пожарная команда откачивала воду, мешающую при закладке сруба» [2. Д. 82. Л. 6–7]. По словам Маклашкина: «За последние два-три года имело место посещение в церковь верующих из ближайших селений группами в 30–40 человек с иконами в руках и с пением молитв в пути следования. Организатором подобных “шестивий” является некто Сергиевский Степан Семенович, проживающий в селе Ямской-посад Алатырского района, человек, не имеющий определенных занятий, подвизающийся вокруг церквей Алатырского района под видом странствующего монаха» [2. Д. 82. Л. 7].

Маклашкин при участии партийных и советских органов разработал ряд рекомендаций, которые могли бы привести к ликвидации паломничества и «святых мест».

Для ликвидации паломничества в Ишаках уполномоченный рекомендовал на месте церкви устроить спортивную площадку для школы, воду от источника по трубам отвести подальше от «святого места» и установить там водоразборную колонку, что, по его мнению, дало бы возможность прекращения паломничества верующих в с. Ишаки [2. Д. 82. Л. 9].

В качестве практических мер по закрытию мест паломничества уполномоченный рекомендовал в с. Миренки, вокруг колодца, «организовать колхозный огород и обсадить свободную площадь более 2 га овощами. Прекратить доступ подхода к колодцу посторонним, кроме той части населения, которая постоянно пользуется водой из этого колодца, путем возведения специальной изгороди» [2. Д. 82. Л. 8–9].

Уполномоченным было оказано давление и на духовенство. Духовенству, через секретаря епархиального управления протоиерея Николая Демьяновича и благочинного 4-го округа священника Степанова, в ведении которого находилось с. Миренки, в конце 1958 г. было сделано предупреждение о том, чтобы духовенство со своей стороны приняло меры, способствующие прекращению паломничества, однако духовенство, естественно, отнеслось к этой инициативе без восторга. Как сообщает уполномоченный, «правлящий архиепископ Мануил ограничился простым перепечатанием и посылкой на места без всяких, каких-либо предложений по реализации указания патриарха Алексея по вопросу

паломничества¹, вследствие чего настоятели церквей до настоящего времени держали его строго под спудом без всякого движения». Лишь после настойчивого напоминания уполномоченного настоятель Миренковской церкви о. Егоров стал говорить верующим о недопустимости паломничества [2. Д. 82. Л. 10].

Без энтузиазма отнеслись к инициативам уполномоченного и местные власти. «Вторичное посещение мною в конце апреля и в начале мая Алатырского и Ишлейского районов показало, что местные органы никаких практических мер по ликвидации паломничества не приняли. Лишь в Алатырском районе было приступлено к составлению проектно-сметной документации по переустройству колодца, причем означенная документация готовится не столько для немедленного претворения его в жизнь, а сколько на исходатайствование дополнительных средств из бюджета республики, вопрос об организации колхозного огорода вокруг колодца, что имелось в виду при первом моем посещении в Алатырском районе, в данное время определенной ясности не имеет. Председатели исполкома Алатырского райсовета тов. Латышев Е.Ф. и колхоза «Красный передовик» тов. Маркин И.В. ссылаются на отсутствие рабсилы в колхозе, а вопрос о привлечении рабсилы извне остается непродуманным. Решения исполкома райсовета о закрытии мест паломничества пока не принято, хотя по примеру Ульяновского облисполкома исполкому Алатырского райсовета Советом Министров Чувашской АССР предложено вынести. Такое же предложение сделано и исполкому Ишлейского райсовета...

В Ишлейском районе также конкретных мер по закрытию мест паломничества в ликвидации его пока не проведено. Руководители района ссылаются на отсутствие техники для разравнивания бугра, но сами конкретных мер по этому вопросу не принимали. В данное время Советом Министров ЧАССР приняты меры по обеспечению соответствующей техникой для разравнивания бугра. Намеченные мероприятия по созданию огорода, огораживанию территории и отвода ключевой воды на другое место с устройством водоколонки остаются пока невыполненными», – жаловался Я.Г. Маклашкин в Совет по делам РПЦ, в Москву [2. Д. 82. Л. 10–11].

В конце концов уполномоченному удалось добиться реализации плана по искоренению паломничества к «святым местам». На основании рекомендаций уполномоченного исполкомами Алатырского и Ишлейского райсоветов, а также исполкомом Ульяновского областного совета были приняты специальные решения о запрете паломничества к «святым местам» в Ишаки, в Миренки и в Сурское.

Была проведена соответствующая агитационная кампания: «Тексты принятых решений, помимо печатания их в газетах и передачи по радио, в большом количестве были расклеены в окружающих селениях на видных местах» [2. Д. 84. Л. 41]. Так, например, листовки с текстом решения исполкома Алатырского райсовета «О мерах по прекращению паломничества в район родника села Миренк» массово были расклеены в граничащих с Алатырским районом Чувашской АССР, в селениях Ардатовского района Мордовской АССР, Сеченовского, Пильненского, Воротынского и Спасского районов Горьковской области [2. Д. 84. Л. 41].

¹ Имеются в виду указания патриарха Алексия I о том, чтобы духовенство никаким образом не принимало участия в паломничествах [3. С. 121].

На подступах к селам Ишаки и Миренки было расставлено несколько агитационных постов «для ведения разъяснительной работы и заграждения потока паломников» [2. Д. 84. Л. 42].

Уполномоченному удалось добиться от местных властей реконструкции самих объектов паломничества, т.е. «святых мест». В с. Ишаках «бугор», образовавшийся на месте снесенной Никольской церкви, собственно, и бывший «святым местом», где появлялась икона святого Николая, был разравнен, и на образовавшемся пустыре была устроена спортивная площадка. Колодец в с. Миренках был закрыт, а вода из колодца, для хозяйственных нужд, по трубам, стала подаваться в центр села. Пустыри, на которых собирались верующие, были заняты под хозяйственные нужды колхозов [2. Д. 84. Л. 42].

Вместе с этими мероприятиями проводилась агитационная кампания в прессе. В 1959 г. в газете «Советская Чувашия» был опубликован ряд статей о «разоблачении святых мест» [4, 13].

Воздействовал уполномоченный Я.Г. Маклашкин и на духовенство. Под давлением уполномоченного правящий архиерей Чувашской епархии, архиепископ Мануил (Лемешевский) распорядился перенести день празднования почитаемой в Миренках иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в селе Миренки Алатырского района с 15 июля на 6 ноября. Это, впрочем, выглядело вполне оправданным с точки зрения церковного календаря, так как память этой иконы 15 июля в общецерковном календаре Русской церкви не установлена, а праздник совершается или 5 августа, или 6 ноября по новому стилю. Уполномоченный начал «обрабатывать» епископа с 15 июня, после двукратных бесед, проведенных с архиепископом Мануилом, «вопрос этот разрешился в желательном направлении» для уполномоченного. Архиепископом Мануилом было дано официальное предписание всем настоятелям церквей о перенесении празднования иконы «Всех скорбящих радость» с 15 июля на 6 ноября, одновременно было сообщено об этом митрополиту Горьковскому Корнилию, архиепископу Казанскому Иову, епископу Пензенскому Леониду и благочинным городов Ульяновска и Саранска [2. Д. 84. Л. 22]. Однако архиепископ Мануил попытался переиграть уполномоченного. За неделю до наступления традиционного дня паломничества архиепископ Мануил неожиданно решил совершить выезд в г. Алатырь и посетить церкви Алатырского благочиния, и, судя по всему, с. Миренки. Таким образом имелся бы законный предлог для массового посещения миренковской церкви верующими других селений для встречи с правящим архиереем. Выезд архиепископа в этот момент в город Алатырь для уполномоченного был крайне нежелательным, так как он мог бы послужить привлечению паломников и значительно затруднить ликвидацию паломничества. У уполномоченного нашлись веские аргументы, и архиерей был вынужден отменить выезд [2. Д. 84. Л. 22–23].

Пытались противодействовать политике закрытия «святых мест» и некоторые священники. Так, например, настоятель церкви села Иваново-Ленино, находящегося на границе с Сурским районом Ульяновской области, после того как было закрыто паломничество в с. Сурское («Николина гора»), решил завести собственное «святое место». Он стал среди верующих усиленно распространять слух о том, что верующие могут брать святую воду вместо Никольского родника в церкви с. Иваново-Ленино, и с этой целью специально провел в церкви обряд водоосвящения. Тем более, что для подобной трактовки событий имелись исторические основания, так как на территории села существовали

два почитаемых источника: Никольский родник и родник Ильи-пророка. Согласно местной легенде: «Когда-то, значит, был помещик Иванов... На горе он жил. Как раз наверху вот этого оврага... У помещика Иванова было очень много лошадей. И однажды, значит, на Николу гнали этих лошадей на водопой. Как раз спускали по этому оврагу... И тут однажды гнали на водопой этих лошадей, и пошел очень сильный дождь, гроза была сильная – ужасно сильная гроза... Там большой древний дуб там стоял. Но, по преданиям, он был не простым на территории этой молельни (на этом месте когда-то была старообрядческая молельня), а как бы таким священным дубом... И вот табун этот остановили под этим дубом, и ударила гроза – очень сильная молния. Дуб раскололся пополам – загорелся. Лошади напугались, разбежались, и под этим дубом забил родник. Это было на Николу потому что. Поэтому он и называется Никольский родник»¹ [6. С. 94–95]. Священник И.М. Ульянов был предупрежден уполномоченным «о недопустимости с его стороны подстрекательства верующих путем распространения слуха о якобы появления святой воды с Никольской горы в церкви с. Иваново-Ленинское» [2. Д. 84. Л. 44].

Таким образом, уполномоченному Я.Г. Маклашкину удалось прекратить паломничества в села Ишаки и Миренки. В своем отчете за 1965 г., на закате своей карьеры, Маклашкин констатирует, что «на территории Чувашской АССР в результате принятых мер паломничество верующих к так называемым “святым местам” было полностью ликвидировано». И тут же сообщает, что чувашские верующие паломничают к другому «святому месту»: «оно сохранилось, оказывается, на территории соседней с нами Татарской АССР, о чем никаких сигналов от руководителей Татарской республики до конца 1965 года мы не получали и лишь из сообщения уполномоченного Совета по Татарской АССР тов. Михайлова И.А. от 28 сентября 1965 года нам стало известно, что в селе Большое Фролово Буинского района 8 августа т.г. в день праздника святого Пантелеймона, вблизи церкви, у источника, ежегодно собирается большое количество паломников, в числе которых имеются и граждане из Чувашской АССР» [2. Д. 112. Л. 15–16]. Как выяснил уполномоченный, верующие ездили в Татарскую АССР за 80 км на автотранспорте, принадлежавшем государственным организациям: в день паломничества с паломниками были задержаны автомашина неотложной медицинской помощи Яльчикской райбольницы, водитель которой оказался кандидатом в члены партии, и легковая автомашина дирекции киносети Яльчикского района с шофером, который пытался работникам автоинспекции предъявить фальшивый путевой лист. По докладу уполномоченного на водителей были наложены административные взыскания [2. Д. 115. Л. 113].

Таким образом, борьба с паломничествами на рубеже 1950-х – 1960-х гг. шла с переменным успехом. Например, несмотря на официальное запрещение, продолжались паломничества в с. Сурское. Верующие посещали «святое место» тайно, распространялись слухи, что «святое место» сменило локацию и таким образом возникали новые объекты паломничества: паломники шли тайно, окольными тропинками. «А вот одна женщина гаварит: “Вот, мол, как нас

¹ Записано Куприяновым П.С. и Полововым П.С. в 2004 г. со слов Кияшовой Татьяны Ивановны, 1960 г.р., род. в Марий-Эл (Звениговский р-н), с 1982 г. прож. в с. Иваново-Ленино (Алатырский р-н Респ. Чувашия).

ганяют – ни дают нам малицца”. Туда в лес ведь хадилы малицца и ночью, и я прошлый год вот ходила ночью туда молицца. А он говорит, он во сне как Николай Угодник, ей говорит: “А я вам дал вот еще радник [Никольский родник в с. Кадышево] – здесь и малитесь. Ни нады туда хадить-та”¹ [9. С. 155].

Выводы. Исследуя причины борьбы со «святыми местами» и паломничествами к ним, безусловно, следует принимать во внимание экономические, политические и идеологические факторы. Однако необходимо учитывать и конкретно-исторические сдвиги в общественном сознании советского общества, которые произошли к середине XX в. В 1957 г. Советский Союз запустил в космос первый искусственный спутник Земли, открыв космическую эру в истории человечества, в 1961 г. в космос отправился первый человек, гражданин СССР Юрий Гагарин. В среде студенческой молодежи шла дискуссия физиков и лириков. В музыкальную культуру ворвалась эпоха рок-н-ролла. На фоне всех этих социально-культурных перемен паломнические практики, с их юродивыми, обливаниями и раздеваниями, процессиями с иконами, выглядели не просто анахроническими, а прямо экстремальными. До эпохи постмодерна было еще далеко, еще никому не приходило в голову, что отправка космических кораблей в космос может сопровождаться окроплением их святой водой, как это делается сегодня. Юродивые и космические полеты были просто несовместимы, не было пространства для их соприкосновения в тогдашнем советском обществе. Массовые публичные паломничества границу между двумя несовместимыми мирами размывали. Советская бюрократия, которая принимала решения и о начале антицерковной (на наш взгляд, более подходит выражение «ограничительной в отношении религии») кампании в целом и о борьбе с паломничествами в частности, чутко улавливала эти тенденции и, осуществляя определенный социальный заказ, решала и свои узкокорпоративные задачи. Кроме того, надо иметь в виду, что паломничества были элементом уходящей аграрной культуры, советская же культура в целом была культурой урбанизированного общества. Для того чтобы паломничества стали частью массовой городской культуры формирующегося советского «общества потребления», необходимо было соединить их с туристической индустрией, которая только еще начинала развиваться.

Советское общество было готово мириться с религией, но в четко очерченных рамках храма. В этом смысле борьба с паломничествами вписывалась в просвещенческую парадигму. Аргументация наступления на «святые места» удивительно похожа на аргументацию петровского указа о запрете строительства часовен на «святых местах». Обе эти кампании, отстоящие друг от друга на два столетия, вполне можно рассматривать как явления одного порядка, как эпизоды секуляризации в российском исполнении.

В Чувашской АССР паломничества к «святым местам» были частью деревенской бытовой религиозности. То обстоятельство, что население Чувашской АССР было в своей массе аграрным, делало практику паломничеств весьма устойчивой. В ходе общесоюзной кампании по борьбе с паломничествами к «святым местам» уполномоченному Совету по делам РПЦ по Чувашской АССР Я.Г. Маклашкину удалось осуществить программу по «ликвидации»

¹ Записано Липатовой А.П. в 2008 г. со слов Гласистой Марии Ивановны, 1940 г.р., род. в с. Кадышево, прож. в пос. Сурское.

«святых мест», которая включала в себя реконструкцию территорий, к которым совершались паломничества, ограничение доступа верующих на эти территории, перенос, под нажимом уполномоченного, церковных праздников, связанных со «святыми местами», на другие даты церковного календаря, запрет на участие духовенства в этих обрядах, пропагандистские публикации в местной прессе. Со стороны священнослужителей кампания не встретила серьезного противодействия. Однако кампанию под руководством уполномоченного Я.Г. Маклашкина нельзя назвать полностью успешной. Административными мерами можно было ограничить деятельность официальных священников, но сама практика почитания «святых мест» носила стихийный, можно даже сказать архетипический, характер. В связи с этим возникла тенденция к появлению новых объектов почитания как в самой ЧАССР, так и за ее пределами.

Литература

1. *Алексеев Г.А.* Численность населения Чувашии в период советской власти (1920–1991 гг.) и новейшее историческое время (с 1992 г.) // *Здравоохранение Чувашии.* 2020. № 2. С. 77–83. DOI: 10.25589/GIDUV.2020.11.58.013.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-1857. Оп. 1.
3. «Добиться закрытия так называемых "святых мест"» // *Источники. Вестник Архива Президента Российской Федерации.* 1997. № 4. С. 120–129.
4. *Кудряшов Г.* О «святых» местах и изворотливых дельцах // *Сов. Чувашия.* 1959. 17 мая.
5. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.
6. *Липатова А.П.* Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019. 215 с.
7. *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с.
8. Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. 943 с.
9. *Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь.* Т. 2: М–Я / *И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин и др.* М.: Индрик, 2012. 656 с.
10. *Подмарицын А.Г.* Советская кампания по прекращению паломничества к святым местам рубежа 50–60-х годов XX столетия (на примере Куйбышевской, Ульяновской и Чкаловской/Оренбургской областей) // Самарский край в истории России: материалы Пятой Межрегион. науч. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения П.В. Алабина, Самара, 26–27 ноября 2014 г. / Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина. Самара, 2015. Вып. 5. С. 251–256.
11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. II: 1722. СПб.: Синодальная типография, 1872. 686+73 с.
12. *Сосковец Л.И.* Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // *Вестник Томского государственного университета.* 2004. № 281. С. 62–65.
13. *Стеклов В.* Родничок в болоте // *Советская Чувашия.* 1959. 7 июля.
14. *Хун У.* С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Религиозные практики в СССР.* 2012. № 3-4. С. 232–256.
15. *Шахнович М.М.* Локальные «святые места» и практика борьбы с ними в период советской антирелигиозной кампании 1950-х гг. // *Религиоведение.* 2023. № 2. С. 79–88. DOI: 10.22250/20728-662_2023_2_79.
16. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 400 с.

БЕРМАН АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева, Россия, Чебоксары (galba@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3574-327X>).

Andrey G. BERMAN

CAMPAIGN AGAINST PILGRIMAGES TO «HOLY PLACES» IN THE CHUVASH ASSR IN THE LATE 1950s – EARLY 1960s

Key words: the USSR, the Chuvash ASSR, Orthodoxy, Council on the Russian Orthodox Church, «Khrushchev's persecution of the Church», pilgrimage, holy places.

An important component of the anti-church campaign that took place in the late 1950s and the first half of the 1960s was the fight against pilgrimages to the so-called «holy places». Such campaigns were not new to our country, it is enough to look back on Peter the Great's decree prohibiting the construction of chapels unauthorized by the authorities.

The cult of «holy places» is obvious to have been an important part of the so-called «casual» or «folk» religiosity and the presence of «holy places» supported the religious enthusiasm among the population. It is implied that in an effort to limit the influence of «religious prejudices» on citizens, the Soviet government could not help but pay attention to this phenomenon.

The purpose of the study is to study the struggle against pilgrimages to «holy places» in the territory of the Chuvash ASSR, which took place as part of another aggravation of state–church relations in the late 1950s – early 1960s, known as «Khrushchev anti-church campaign».

Materials and methods. The source base of the research was made up of materials kept in the foundation of the Authorized Council on the Russian Orthodox Church (since 1965 Council on Religious Affairs) under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR (F. R-1857), located in the State Historical Archive of the Chuvash Republic. The materialistic understanding of history was used as a research method.

Research results. In the territory of the Chuvash ASSR, the plenipotentiaries of the Council on the Russian Orthodox Church record two «holy places» in their reports: in the village of Ishaki of Cheboksary region and in the village of Mirenki of Kuvakinsky (now Alatyrsky) region. An important part of the «holy places» cult was the worship of wells, the water in which was considered sacred by the population. Every year, on special days associated with the local cult, there was a mass pilgrimage to the wells with consecrated water. During the days of pilgrimage, spontaneous markets around the «holy place» were organized by consumer cooperation organizations. Pilgrimages were accompanied by appropriate practices (almost publicly undressing and dousing with water, foolishness, etc.), which could look shocking. Pilgrimages helped to maintain a high level of religiosity in rural areas.

In the late 1950s, the central authorities adopted a number of regulations aimed at minimizing and, if possible, eliminating the practice of pilgrimage. The Plenipotentiary of the Council on the Russian Orthodox Church in the Chuvash ASSR managed to put an end to the pilgrimage to the village of Ishaki and the village of Mirenki. However, «holy places» spontaneously appeared in other locations.

Conclusions. The Soviet society as a whole was ready to put up with religion, but within a clearly defined framework of the temple. In this sense, the struggle against pilgrimages fit into the educationist paradigm. The argumentation of the attack on the «holy places» is surprisingly similar to the argumentation of Peter the Great's decree banning the construction of chapels in the «holy places». Both of these campaigns, which are two centuries apart, can be considered as phenomena of the same order, as episodes of secularization in the Russian execution.

References

1. Alekseev G.A. *Chislennost' naseleniya Chuvashii v period sovetsoi vlasti (1920–1991 gg.) i noveishee istoricheskoe vremya* (s 1992 g.) [Population of Chuvashia during the period of Soviet power (1920–1991) and recent historical times (since 1992)]. *Zdravoohranenie Chuvashii*, 2020, no. 2, pp. 77–83. DOI 10.25589/GIDUV.2020.11.58.013.
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-1857, Opis' 1* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive R-1857. Anagraph 1].
3. «Dobit'sya zakrytiya tak nazyvaemykh "svyatykh mest"» [“Achieve the closure of the so-called “holy places”]. *Istochniki. Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii*, 1997, no. 4, pp. 120–129.
4. Kudryashov G. O «svyatykh» mestakh i izvrotlivykh del'tsakh [About the “holy” places and dodgy dealers]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1959, May 17.
5. Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Moscow, Drevlehraniilishche Publ., 2000. 574 p.

6. Lipatova A.P. *Variativnost' legendy* [The variability of a legend]. Moscow, 2019, 215 p.
7. Lur'e V.M. *Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu* [Introduction to critical hagiography]. St. Petersburg, Axioma Publ., 2009, 238 p.
8. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1960 godu. Statisticheskii ezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1960. Statistical Yearbook.]. Moscow, 1961, 943 p.
9. Kyzlasova (Sleptsova) I.S., Lipatova A.P., Matlin M.G. et al. *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'yanovskogo Prisure'ya. Etnodialektnyy slovar'*. [Essays on the traditional culture of the Ulyanovsk Sura River region. Ethnodialectic dictionary.]. Vol. 2, Moscow, Indrik Publ., 2012, 656 p.
10. Podmaritsyn A.G. *Sovetskaya kampaniya po prekrashcheniyu palomnichestva k svyatym mestam rubezha 50–60-kh godov XX stoletiya (na primere Kuibyshevskoi, Ul'yanovskoi, i Chkalovskoi/Orenburgskoi oblasti)* [Soviet campaign to stop pilgrimage to holy places at the turn of the 50s – 60s of the XX century (using the example of Kuibyshev, Ulyanovsk, and Chkalov/Orenburg regions)]. In: *Samarskii krai v istorii Rossii: materialy Mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya P.V. Alabina* [Proc. of Sci. Conf. «Samara region in the history of Russia»]. Samara, 2015, iss. 5, pp. 251–256.
11. *Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi Imperii. T. 2: 1722* [A complete collection of decrees and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. II: 1722]. St. Petersburg, 1872, 686+73 p.
12. Soskovec L.I. *Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki* [Soviet believers: general sociodemographic and cultural characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, no. 281, pp. 62–65.
13. Steklov V. *Rodnichok v bolote* [Spring in the swamp]. *Sovetskaya Chuvashiya*, 1959, July 7.
14. Huhn U. *S ikonami i pesnopeniyami, ili episkop, sbezhavshii ot svoikh prikhozhan. Massovye palomnichestva v Rossii epokhi Stalina i Khrushcheva* [With Icons and Psalms, or a Bishop in Flight from his Flock. Mass Pilgrimages in Russia in the Times of Stalin and Khrushchev]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. Religioznye praktiki v SSSR*, 2012, no. 3-4, pp. 232–256.
15. Shakhnovich M.M. *Lokal'nye «svyatye mesta» i praktika bor'by s nimi v period sovetskoi antireligioznoi kampanii 1950-kh gg.* [Local “Holy Places” and the Practice of Fighting against Them during the Soviet Anti-Religious Campaign of the 1950s]. *Religiovedenie*, 2023, no. 2, pp. 79–88. DOI: 10.22250/20728662_2023_2_79.
16. Shkarovskii M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow, 1999, 400 p.

ANDREY G. BERMAN – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National and World History, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (galba@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3574-327X>).

Формат цитирования: Берман А.Г. Кампания по борьбе с паломничествами к «святым местам» в Чувашской АССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Исторический поиск / Historical Search. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 107–126. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-107-126.